

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук
Петрозаводский государственный университет

МАТЕРИАЛЫ
научной конференции
«Бубриховские чтения:
гуманитарные науки на Европейском Севере»

Петрозаводск
1–2 октября 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание	5
<i>Колпакова Н. Н.</i> Д. В. Бубрих: открывая заново (к 125-летию со дня рождения)	5
<i>Зайцева Н. Г.</i> Фонетические маркеры вепсской диалектной речи	9
<i>Муллонен И. И., Сойни Е. Г.</i> Д. В. Бубрих и «Калевала»	14
<i>Галанина Л. Б.</i> Материалы по научно-организационной деятельности Д. В. Бубриха в Научном архиве КарНЦ РАН	23
Секция «Археология»	28
<i>Бельский С. В.</i> Погребальная обрядность древней <i>корелы</i> : современное состояние проблематики	28
<i>Иванищева М. В.</i> О рыболовстве в каменном веке и средневековье на Тудозере	33
<i>Сумманен И. М.</i> Средневековые памятники юго-восточной Карелии: проблема культурной атрибуции	43
<i>Тарасов А. Ю.</i> Начальный этап заселения побережья Онежского озера в свете новых радиоуглеродных датировок	51
<i>Филатова В. Ф.</i> Некоторые предположения о социальном устройстве и верованиях в обществе эпохи мезолита в бассейне Онежского озера	52
<i>Хорошун Т. А.</i> Геохимические исследования керамики позднего неолита Карелии	65
Секции «История» и «Этнография»	80
<i>Бландов А. А.</i> Валдайские карелы в XXI веке: опыт изучения постэтнического сообщества	80
<i>Вавулинская Л. И.</i> Промышленное и сельскохозяйственное переселение в Карелию и изменение национального состава республики (конец 1940-х – 1950-е гг.)	85
<i>Габукова О. С.</i> О принципах обучения традиционной певческой культуре в детском фольклорном коллективе карелов-людиков села Михайловское Олонецкого национального муниципального района	89
<i>Дубровская Е. Ю.</i> Политические приоритеты и житейские заботы: губернский центр и карельская глубинка весной–осенью 1917 г.	93
<i>Дудинова Т. Ю., Ковчинская С. Г.</i> Проектная деятельность школьного музея поселка Гирвас	99
<i>Ивановна Л. И.</i> Функциональный код карельской бани	101
<i>Илюха О. П.</i> Белорусы в составе промышленных рабочих Карелии в 1960-х годах	106
<i>Кокко В. А.</i> Репатриация ингерманландских финнов в Финляндию: 25 лет истории	110
<i>Конкка А. П.</i> Карельская традиция ряжения и связанная с ней терминология	115
<i>Литвин Ю. В.</i> Маркеры этнической идентичности карелов (по материалам исследования в г. Петрозаводске)	121
<i>Логинов К. К., Наумов Ю. М.</i> Славянское и дославянское в названиях водных транспортных средств и традиционной лодкостроительной терминологии Заонежья и Водлозерья	125
<i>Минвалеев С. А.</i> Этнографическое изучение карелов-людиков в 1950-е гг.	135
<i>Нилов В. М.</i> «Олонецкие губернские ведомости» как фактор развития общественного сознания	139
<i>Пушкин И. А.</i> Этнические особенности гражданской культуры населения белорусско-российского пограничья (на примере Могилевского региона)	143
<i>Семакова И. Б.</i> О некоторых металлических идиофонах карелов и вепсов	147
<i>Смирнова Т. М.</i> Школы для финно-угорского населения Ленинградской области (1936–1938 гг.)	152
<i>Строгальщикова З. И.</i> Вепсская письменность: история восстановления.	159

<i>Урванцева Н. Г.</i> Почитание Николая Чудотворца в Олонецкой губернии (по материалам газеты «Олонецкие губернские ведомости» и журнала «Олонецкие епархиальные ведомости»)	168
Секция «Литература и фольклор»	173
<i>Казакова М. В.</i> Проблемы билингвизма в поэзии Олега Мишина – Армаса Хийри 1970-х гг.	173
<i>Калинина Е. А.</i> Литературные беседы как форма преподавания российской словесности в учебных заведениях Европейского Севера России в первой половине XIX в.	179
<i>Колоколова О. А.</i> Трансформация мотива блудного сына (блудной дочери) в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и в повествовании Н. Яккола «Водораздел». Интертекстуальные связи	184
<i>Марцина И. Ю.</i> Предмодернистский психологизм в «Маленькой истории жизни» Т. Паккала (1903)	188
<i>Маташина И. С.</i> Восприятие творчества Ф. М. Достоевского в шведоязычной литературе Финляндии XX века	194
<i>Миронова В. П.</i> Символический мир карельской частушки	196
<i>Сойни Е. Г.</i> Средневековое финское искусство в эссеистике Н. К. Рериха	204
<i>Титова А. А.</i> Капшинские вепсы в художественной литературе	209
<i>Чикина Н. В.</i> К вопросу о билингвизме в творчестве П. Пертту	214
<i>Чикина Н. В. Т. А.</i> Коски – музыковед и собиратель фольклора	217
Секция «Языкознание»	220
<i>Бойко Т. П.</i> Новая лексика в словарях новописьменного карельского языка и ее адаптация	220
<i>Зайков П. М.</i> Симпатетические конструкции в карельском языке	223
<i>Князева Ю. А.</i> Современное состояние удмуртского языка	226
<i>Кузьмин Д. В.</i> Типовые топоосновы для отражения размера объекта	230
<i>Малкова Т. А.</i> Научная и преподавательская деятельность Д. В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны в г. Сыктывкаре Коми АССР	238
<i>Муковская Л. Ю.</i> Венгерская глагольная приставка <i>vs</i> эстонское аффиксальное наречие (в плену терминологии)	242
<i>Муллонен И. И.</i> Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии	247
<i>Мызников С. А.</i> Вепские диалектные данные: проблемы дифференциации и этимологизации	256
<i>Нагурная С. В.</i> Роль Д. В. Бубриха в создании единого карельского языка	259
<i>Новак И. П., Егорова А. А.</i> Система послеложных падежей в периферийных диалектах карельского языка	267
<i>Родионова А. П.</i> Людиковские материалы в «Диалектологическом атласе карельского языка»	272
<i>Тихонович Е. А.</i> Partitiivin käyttö lauseopilliselta kannalta [Парциальные члены предложения в финском языке]	278

вательной школе № 16. В Глазовском районе в поселке Октябрьский до нынешнего, 2015 года, существовала Удмуртская национальная школа, где официально преподавался удмуртский язык, в этом году было решено, что школа будет общеобразовательной, и при ней будут проходить факультативно уроки удмуртского языка.

Литература и источники

- Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания. Т. 1. Ижевск, 1959.
- Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
- Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.
- Владыкин В. Е. Здравствуйте! Мы – удмурты. Историко-этнографический очерк. Ижевск: Издательство «ЮНКОМ», 1996.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1997.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2000.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1963.
- Национальный состав населения Удмуртской Республики (итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Удмуртстат, 2005.
- Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. Москва, 2000.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1982.
- Удмуртско-русский словарь. Под ред. В. М. Вахрушева. М., 1983.
- Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982.

Денис Викторович Кузьмин

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ТИПОВЫЕ ТОПООСНОВЫ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ РАЗМЕРА ОБЪЕКТА*

Обязательные или типовые топоосновы, отражающие объективную действительность, чаще всего проявляются в названиях физико-географических объектов. При этом основной чертой физико-географических названий как раз и является фиксация этой действительности [Суперанская 1969: 45]. В топонимии Карелии, помимо слов, отражающих реально существующие в природе разновидности ландшафта, к обязательным топоосновам относится также ряд определений, характеризующих свойства объекта. Сопоставление в карельской топонимии может идти, например, по размеру (*Suuri*- ‘большой’, *Pieni*- ‘маленький’), форме (*Kaita*- ‘узкий’, *Viärä*- ‘кривой’, *Puörrie*- ‘круглый’, *Levie*- ‘широкий’, *Pitkä*- ‘длинный’), цвету (*Musta*- ‘черный’, *Valkie*- ‘белый’, *Ruskie*- ‘красный’) и другим показателям. Данная лексико-семантическая группа является одной из наиболее представительных в топонимии Карелии. В

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте»

то же время продуктивность топонимов, атрибуты которых выражены прилагательными, характеризующими форму и детали рельефа, все же различна.

В таблице ниже приведен список наиболее продуктивных определений, выраженных прилагательными на разных прибалтийско-финских территориях [Kuzmin 2014: 51–52, Мамонтова 1982; Муллонен 1994; Kiviniemi 1990; Saar 2008]:

север Карелии	юг Карелии	вепские территории ¹	территория Финляндии	территория южной Эстонии
Šuuri- ‘большой’	Suuri- ‘большой’	Sur- ‘большой’	Iso-, Suuri- ‘большой’	Suur- ‘большой’
Pitkä- ‘длинный’	Kovera-, Viäry- ‘кривой’	Must- ‘черный’	Pieni-, Pikku- ‘маленький’	Väikene, Väiku, Väikse ‘маленький’
Mušta- ‘черный’	Pitky- ‘длинный’	Pitk- ‘длинный’	Pitkä- ‘длинный’	Korgõ ‘высокий’
Šyvä- ‘глубокий’	Pieni- ‘маленький’	Vouged- ‘белый’	Vanha- ‘старый’	Vana- ‘старый’
Valkie- ‘белый’	Uuzi- ‘новый’	Pen-, Piçoi- ‘маленький’	Uusi- ‘новый’	Vahtõ(nõ), Uvvõ- ‘новый’
Kaita-, Hoikka- ‘узкий’	Kaidu- ‘узкий’	Korged- ‘высокий’	Musta- ‘черный’	Pikk: Pikä ‘длинный’
Pieni-, Pikku- ‘маленький’	Mustu- ‘черный’	Kover- ‘кривой’	Hoikka-, Kaita- ‘узкий’	Tsõõrik, Ümärik, Hõõrik ‘круглый’
Uuši- ‘новый’	Jyrky- ‘крутой’	Kuiv- ‘сухой’	Korkea- ‘высокий’	Must ‘черный’
Levie- ‘широкий’	Syvä- ‘глубокий’	Syvä- ‘глубокий’	Syvä- ‘глубокий’	Kuld ‘золотой’
Viärä-, Köyry-, Kovera- ‘кривой’	Laççu- ‘плоский, низинный’	Paha- ‘плохой’	Paha- ‘плохой’	Valgõ ‘белый’
Kuiva- ‘сухой’	Valgei- ‘белый’	Kaid- ‘узкий’	Kylmä- ‘холодный’	Süvä, Sükäv ‘глубокий’
Korkie- ‘высокий’	Kaunis- ‘красивый’	Kehker- ‘круглый’	*Autio- ‘заброшенный’	Palanu ‘сгоревший’
Matala- ‘мелкий’	Vanhu- - ‘старый’	Leved- ‘широкий’	Väärä- ‘кривой’	Lakõ ‘ровный’
Paha- ‘плохой’	Lagei- ‘открытый, ровный’	Rusked- ‘красный’	Valkea- ‘белый’	Raba ‘непроходимый’
Kylmä- ‘холодный’	Korgei- ‘высокий’	Vihand- ‘зеленый’	Puna(inen)- ‘красный’	Hall, Nahk ‘серый’
Kaunis- ‘красивый’	Madal- ‘мелкий’	Hobed- ‘серебряный’	Kuiva- ‘сухой’	Verrev ‘красный’

¹ В группе «Вепские территории» только первые десять топооснов расположены в порядке убывания их частотности.

*Kelta- 'желтый'	Paha- 'плохой'	*Vezi- 'влажный, мокрый'	Pyöreä- 'круглый'	Kõvvõr 'кривой'
Pyörie- 'круглый'	Pyöröi- 'круглый'	Käbed- 'красивый'	Leveä-, Laaja 'широкий, обширный'	Külm 'холодный'

Таблица показывает, что доля прилагательных в карельской топонимии достаточно велика. В то же время можно сразу отметить, что только часть приведенных выше топооснов представлена относительно широко в топонимии. Так, например, пять из них (*Šuuri-* / *Suuri-* 'большой', *Mušta-* / *Mustu-* 'черный', *Valkie-* / *Valgei-* 'белый', *Pitkä-* / *Pitky-* 'длинный' и *Pieni-* 'маленький') составляет более 60 % всех названий, отразившихся в данном списке.

Таблица свидетельствует также о том, что во всех представленных прибалтийско-финских топосистемах во главе списка находится топооснова *Suuri-* 'большой', поскольку именно размер объекта является часто наиболее естественным дифференцирующим признаком. По нашим подсчетам, названий с атрибутом *Pieni-* 'маленький' в два раза меньше, в сравнении с топоосновой *Suuri-* 'большой'. Финляндский исследователь Ээро Кивиниemi отмечает, что подобная ситуация характерна и для финской топонимии. В качестве объяснения Кивиниemi приводит тот факт, что для топоосновы *Suuri-* совсем необязательно противопоставление / бинарная оппозиция с атрибутивной частью *Pieni-* [Kiviniemi 1990: 151].

Далее будет представлен обзор карельских топооснов, отражающих размер географического объекта, при этом часть из них выражена лексемами, которые практически утрачены современными говорами карельского языка. Кроме представленных в таблице наиболее продуктивных в топонимии атрибутов, в статье рассмотрены также топоосновы, имеющие на карелоязычных территориях ограниченное бытование.

Suuri- / Šuuri- / Cyp-

Выше уже было отмечено, что размер географического объекта является одной из универсальных особенностей, которая используется имядателем для идентификации того или иного объекта на местности. В топонимии Карелии и сопредельных областей фиксируется целый ряд лексем со значением 'большой'. Наибольшее распространение среди них имеет топооснова *Suuri-* / *Šuuri-*, которая представлена во всех ареалах бытования карельского языка. При этом она выступает как в названиях макрообъектов, так и в микротопонимии региона. Ее следы присутствуют также и на сопредельных, ныне русскоязычных территориях, ср., например, залив *Сургуба* (Янишполе, Конд.). На территории Финляндии в том же значении выступает часто топооснова *Iso-* 'большой'. В Республике Карелия в границах 1939 года данная лексема фиксируется всего один раз на самом севере Карелии в бывшей Олангской волости, ср. возвышенность *Isovuara* (букв. 'большая возвышенность') (Боровская, Оланг.). К сожалению, данный топоним в момент сбора не был картографирован, в связи с чем его привязка к карте затруднена. В то же время можно предположить, что речь идет, видимо, о какой-либо пограничной возвышенности, большая часть которой находилась в то время на территории сопредельной Финляндии. На эту мысль наталкивает тот факт, что данная топооснова более нигде не фиксируется в Карелии, включая те территории, где присутствует сильное влияние финского языка. В то же время лексема *iso* представлена неоднократно в топонимии карельских территорий Финляндии, как в Приладожской или Приграничной Карелии (фин. *Raja-Karjala*), так и в Кайнуу. На этих территориях карелы проживали в течение нескольких столетий бок о бок с финским населением, что и стало причиной усвоения рассматриваемой лексемы в местные карельские говоры, а также использования ее при наименовании объектов на местности: ср. озеро *Iso Särkilampi* (Хиетаярви, Кайн.), озеро *Iso-Juortana* (Римпи, Кухмо), острова *Iso-Nilo*, *Iso-Vihkamoi* (Салми), горка *Isokul'lu* (Хаудувуара, Суояр.), поселение *Isokylä* (Вегарус, Суояр.), возвышенность *Isočärkkä* (Алатту, Суйст.), угодье *Iso-*

opota (Юпякко, Сован.), *горка Iso Kauluumägi* (Руогоярви, Имп.), лес *Isokorbi* (Пуровуара, Имп.), озеро *Iso-Hosko* (Иломантси).

Tobie- / Tobd'-

В карельских говорах юга Карелии фиксируется еще одна лексема со значением 'большой'. Несмотря на то, что данное слово фиксируется во всех наречиях карельского языка (ср. ск. *tobie, tobia, topie*, ливв. *tobei, tobju, tobd'u*, люд. *tobd', tobje* 'большой'), в топонимии она представлена, прежде всего, в ареале расселения северных карелов-людиков: ср. поселение *Tobd'kylä* (Лычный Остров, Конд.), гора *Tobd' Hadarmägi* (Тивдия, Конд.), остров *Tobd' Murtsuor'* (Каягина Сельга, Конд.), озеро *Tobd' Pertlambi* (Кавгора, Конд.), угодье *Tobd'obod* (Кондозеро, Конд.), угодье *Tobd'adnurmed* (Ригосельга, Конд.), луда *Tob(d)luodo* (Тавойгора, Конд.), болото *Tobd'suo* (Уссуна, Муноз.), острова *Tobd'atsuaed (Tob'-)* (Лижмозеро, Конд.), озеро *Tobjed'ärv*, поле *Tobjepaltege* (Гомсельга, Шуйск.), мост *Tobd'sild* (Мунозеро, Муноз.), камень *Tobd'kivi* (Пуйгуба, Муноз.), озеро *Tobd' Rugizlambi* (Готнаволок, Муноз.), озеро *Tobd' Haugilambi* (Юркостров, Муноз.), луда *Tobd'luodo* (Галезеро, Шуйск.), угодье *Tobd' Heinmatkobod* (Пялозеро, Муноз.), возвышенность *Tobd'(e)mägi* (вар. *Suurimägi*) (Намоево, Шуйск.), поселение *Tobd'-Voronou* (Вороново, Конд.), болото *Tobd'asuo* (Соломенное, Шуйск.). Густота сетки названий свидетельствует о том, что данная модель зародилась именно на территории современного Кондопожского района. Обращает также на себя внимание ее отсутствие на территории проживания средних и южных карелов-людиков. Ареал модели выходит, тем не менее, за восточные и западные пределы современной территории людиковского расселения, что можно рассматривать, видимо, как маркер былого людиковского присутствия. За пределами ареала, модель фиксируется, например, в топонимии южных собственно-карельских территорий (ср. остров *Tobiesuari* (Койкары), порог *Tobie Kallivokoski* (Совдозеро, Порос.), а также в Прионежье и Заонежье, ср. камень *Тобот* (< **Tobd'*) (Суйсарь, Шуйск.), угодье *Тобий* (Кургеницы Кижск.), *Тобийручей* (Киж). В совокупности с рядом других людиковских признаков в топонимии этих территорий данный факт может свидетельствовать об их людиковских связях. Нельзя исключать, что топооснова имела ранее более широкое бытование в топонимии, однако подверглась, видимо, переводу в ходе русской адаптации карелоязычных названий. Следы ее бытования мы находим, возможно, и в топонимии юго-западного побережья Белого моря в окрестностях деревни *Вирма* (ср. *Тобручей*).

Jalo- / Ял-

В говорах карельского языка существует еще одно прилагательное, указывающее на относительно крупный размер того или иного предмета или явления. Это лексема *jalo*, известная в карельских говорах, в том числе и в значении 'крупный, большого размера'. Рассматриваемое слово в интересующем нас значении существовало ранее и в других прибалтийско-финских языках, например, в вепсском, финском, эстонском, о чем свидетельствует ряд слов, в которых сохранились и сейчас отголоски первоначальной семантики, связанной с большим размером.

Слово практически утратило семантику «большой, крупный» в современных карельских говорах, но его следы фиксируются в топонимии как юга, так и севера Республики Карелия: ср. например, названия двух соседних заливов Онежского озера *Ялгуба* и *Пиньгуба*, где присутствует бинарная оппозиция атрибутивных элементов *Jalo-* 'большой' и *Pieni-* 'маленький' [Муллонен 2013: 134]. Кроме рассмотренной выше фиксации, атрибутивная часть *Jalo-* представлена в названиях следующих географических объектов: река *Jalojoki* (Контокки), ручей *Jalo-oja* (Ювалакша, Ухта), порог *Jalonniska* (Подужемье), ручей *Jaloja* (**Jalo-oja*, карта *Ялоручей*) (Рудометово, Паноз.), озеро *Jaloizjärvi* (вар. *D'aloizd'ärvi*) (Ледмозеро, Ругоз.), остров *Jaloizsaari* (Ругозеро), залив *Jallahti* (Лычный Остров, Конд.), залив *Jallahti* (Ялгуба), река *D'alaid'ogi* (рус. Елайрека) (Ладва), мыс *Ялокорга* (Надвоицы, Петров.), залив *Ялгуба* (Тунатрека). Фиксируется данная топооснова и на территории расселения вепсов, а

также на ныне обрусевших территориях Ленинградской и Вологодской областей: ср. возвышенность *Jalam*, река *Jalažm* (рус. Явосьма), ручей *G'aloja* (рус. Елайручей), река *Ялега*, *Ялойское болото*, залив *Ялойская кара*, деревня *Ялосарь* [Муллонен 2013: 134].

Предположительно, еще ряд названий географических объектов на территории Карелии содержит указанную топооснову: ср. озеро *Jäljjärvi* (рус. Ялиозеро) (Алозеро, Ухт.), а также озеро *Jiäl'järvi* (рус. Ялиярви), река *Jiäl'joki* (вар. *D'iäl'joki*), мыс *Jiäl'niemi* (Шомбозеро, Паноз.). Видимо, переход конечного гласного *-o-* атрибутивной части в *-i-* мог спровоцировать изменение качества гласного звука первого слога, и в связи с этим *-a-* перешел в *-ä- / -iä-*.

Äн- / Ян- / Ен-

Названная основа подробно рассмотрена в исследовании И. И. Муллонен [2002: 271–282], в котором ее бытование в Присвирье представлено на относительно широком фоне смежной территории Карелии и Восточного Обонежья.

Таким образом, топонимия Карелии хранит память еще об одном прилагательном, которое использовалось ранее для обозначения географических объектов крупного размера. Это субстратная топооснова **Äн- / Ян-*, которая бытовала в топонимии современной Карелии до ее освоения прибалтийским финнами. Речь идет, видимо, о (пра)саамском слове со значением 'большой, крупный', которое является родственным прибалтийско-финскому прилагательному **enä*. Последнее утрачено современными прибалтийско-финскими языками, однако следы его можно видеть в апеллятивной лексике, например, в наречиях: кар. *enämpi*, вепс. *enamb*, фин. *enempi* 'больше', ср. также эст. *enamus* 'большинство'. Следует также отметить, что лексема **enä* имеет древние финно-угорские корни и широко представлена в финно-угорских языках [SSA]. Участие данной лексемы в образовании топонимов подтверждается, например, данными с вепсских территорий Ленинградской и Вологодской областей, где топооснова неоднократно фиксируется в наименованиях (относительно) крупных географических объектов [Муллонен 2013: 136–137].

В топонимии Республики Карелия фиксация топоосновы **Äн- / Ян-*, как уже было отмечено выше, указывает, скорее всего, на субстратный характер данной основы. Самым известным географическим объектом, название которого содержит основу **Äн-*, является второе по величине озеро Европы – Онежское (кар. *Iänizd'ärvi*, вепс. *Änine*, фин. *Ääninen*) [Муллонен 2002: 278–282].

Названия с рассматриваемой топоосновой фиксируются, главным образом, в южных и восточных частях Карелии, а также на сопредельных территориях западной части Архангельской области, ср.: *Вянегуба*, *Вянярека* (вар. *Вянь-*), *Яниостров* (вар. *Янцостров*) (Тиконицы, Петров.), *Яностров* (Пулозеро, Петров.), *Янемох*, *Янеозера* (Луза, Водл.), *Енесполе* (вар. *Енисейские поля*), остров *Денесье* (Челозеро, Арх. Обл.), ? *Янчозеро* (Щепина Гора, Петров.), поселение *Янишполе* (Янишполе, Шуйск.), угодие *Янежполе* (Шилово, Шунг.), поселение *Вянишполе*, остров *Вяньостров* (вар. *Венишостров*) (Вёгарукса Великогуб.), *Яндомозеро* (Великая Губа, Великогуб.) и др. В северных частях Карелии данная топооснова практически не представлена, ср., например, мыс *Енякорга* (вар. *Енекорга*) (Поньгома Кем.). Кроме этого, названия рассматриваемого типа фиксируются спорадически и в Пудожском районе Республики Карелия [Муллонен 2013: 136–137].

Можно также предположить, что топооснова *Äн-* имела ранее более широкое бытование как в северных, так в центральных и западных частях Карелии, однако подверглась адаптации / переводу в ходе освоения территории современной Карелии прибалтийскими финнами. На эту мысль наводит, например, тот факт, что Онежское озеро имеет в среде средних людииков название *D'änizd'ärvi* (ср. вар. *Iänizjärvi*). Второе крупное озеро с названием *Jänisjärvi* существует в Северном Приладожье, в Сортавальском районе. Первоначальную форму названия этого крупного озера сохраняет название острова *Janatsuari* и залива Ладожского озера *Janaslahti* в окрестностях поселка Ляскеля, куда впадает река *Jänisjoki* (вар. *Jananusjoki*), вытекающая из озера *Jänisjärvi*. Кроме этого можно упомянуть, что в топонимии

мии беломорской деревни Поньгома, помимо упомянутого выше мыса *Енякорга*, фиксируется также название мыса *Янискорга*, которое, видимо, может являться его вариантом.

К рассматриваемой группе может относиться также название *Заячий остров* (кар. *Jänisšuari*), который является пятым по величине островом в составе Соловецкого архипелага после основного *Соловецкого острова*, острова *Анзера* и двух *Муксалмских* островов. Можно отметить здесь, что все они имеют доприбалтийско-финские истоки, что наводит на мысль о том, что и остров *Заячий* (кар. *Jänisšuari*) получил, видимо, свое современное название в результате переосмысления непонятной прибалтийским финнам саамской топоосновы (**Än-* → *Jänis-*), а позднее – перевода карельского названия на русский, ср. (*Jänis-* → *Заячий*).

Помимо упомянутых выше географических объектов, в топонимии Карелии фиксируется еще целая серия других названий, в которых также закрепились топооснова *Jänis-* / *Jäniz-* (букв. ‘заяц, заячий’): озеро *Jänisjärvi*, река *Jänisjoki* (Кентозеро, Вычетайбола), озеро *Jänisjärvi* (Суднозеро, Боярская, Кургиево, Ругозеро), остров *Jänisšuari* (Хайколя, Лусалми, Пильдозеро, Воронская, Вычетайбола, Барышнаволок, Булдыри, Пибозеро, Соловки, Реболы, Тужены, Лужма, Совдозеро, Баранова Гора), залив *Jänislakši* (Барышнаволок, Булдыри), порог *Jäniskoški* (Булдыри, Соанлахти), мыс *Jänisniemi* (Пибозеро), пролив *Jänisšalmi* (Реболы). Нельзя исключать того, что некоторые из них превратились в «заячьи» именно в результате народной этимологии.

Появление топоосновы со значением ‘заяц’ легко представить в названиях микропонимов, например, полей, небольших гор, ручьев и т. д. В то же время ее фиксация в названиях относительно крупных географических объектов вызывает сомнение. В их основе допустимо реконструировать финно-угорское прилагательное со значением ‘большой’, что нередко подтверждается крупными размерами географических объектов, в названии которых оно фиксируется. Таким образом, появление топоосновы *Jänis-* в названиях крупных по размеру географических объектов стало, видимо, результатом народного переосмысления саамской топоосновы *Än-*, которая была близка по звучанию с прибалтийско-финской лексемой *jänis* в значении ‘заяц’.

Pieni- / Pikku-

Основной семантической парой для лексемы *suuri* ‘большой’, выступает как в языке, так и в топонимии слово *pieni* ‘маленький’. При этом топооснова *Pieni-* представлена в большом количестве географических названий на территории всех диалектов карельского языка. В то же время в собственно карельском наречии фиксируется в значении ‘маленький’ также лексема *pikku*. Рассматриваемое слово спорадически представлено и в говорах ливвиновского наречия, а также у карелов-людиков: ср. *pikku*, *pikoi* ‘малюсенький’. Кроме этого, оно известно и в качестве слова с усилительным значением, и наречия в значении ‘совсем’.

В топонимии основа *Pikku-* фиксируется как в северных, так и в южных частях Карелии. В Беломорской Карелии основной ареал находится на территории ее западной части, граничащей с территорией Финляндии. Единичные фиксации представлены в центральных частях ареала, а также за его пределами, в топонимии Ребольской и Паданской волостей. Ср.: мыс *Pikkuniemi*, поле *Pikkupelto* (Ювалакша, Ухт.), поле *Pikkupelto* (Хайколя, Ухт.), ручей *Pikkuoja* (Юшкозеро), остров *Pikkušuari* (Вокनावолок), порог *Pikkukoški* (Пежунги, Вокн.), озеро *Pikkulampi* (Ценनावолок, Вокн.), остров *Pikkušuari* (Ладвозеро, Вокн.), остров *Pikkušuari* (Каменное Озеро, Вокн.), мыс *Pikkuniemi* (Тихтозеро), угодье *Pikkupala* (Катошлампи, Тихт.), остров *Pikkušuari* (Реболы), озеро *Pikkulambi* (Юккогуба, Падан.).

В то же время обращает на себя внимание отсутствие модели в других частях карельского Беломорья, а кроме этого, густота сетки названий с топоосновой *Pikku-* в топонимии северной частей Финляндии, с которой граничит Беломорская Карелия. Можно предположить, что появление данной топонимической модели на севере Карелии может быть увязано как с отселением финского населения на территорию России в XVIII веке, так и с активными межэтническими контактами, происходившими в карело-финском пограничье в XVIII–XIX

веках, что, в свою очередь, могло способствовать более активному использованию данного прилагательного в образовании топонимов.

Не совсем понятен генезис модели на юге Карелии. Она представлена спорадически в бывших Ведлозерской и Сямозерской волостях, а также у северных и средних карельских людииков. Кроме этого, модель фиксируется на сопредельных с людииковскими русскоязычных территориях в Кондопожском и Медвежьегорском районах, ср.: поле *Pikkupeldo*, берег *Pikkurandu*, мыс *Pikunniemi* (Салостров, Ведл.), тоня *Pikunabajat* (Кибриннаволоок, Ведл.), озеро *Pikoijärvi* (Гарболова Сельга, Сямоз.), болото *Pikoosuo* (Кавгора, Конд.) = болото *Pikoisuo* (*Пукиболото*, *Пуко-*, *Пукай-*) (Тавойгора, Конд.), поселение *Pikuoinekyllä* (*Pikuine-*) (Гомсельга, Муноз.), тоня *Pikuo* (Пелдожи, Свят.).

Присутствует модель и на бывших карельских территориях Финляндии (фин. *Raja-Karjala*, рус. Приграничная (Приладожская) Карелия): поселение *Pikkukylä* (Пелдойне, Салми), порог *Pikkukoski* (Мурсула, Имп.), луды *Pikkuluvvot* (Койриноя, Имп.), угодье *Pikkupalsta* (Руогоярви, Имп.), остров *Pikkusuari* (Хунттила, Имп.), озеро *Pikkulampi* (Ахвенъярви, Илом.), озёра *Pikkulammit* (Кивилахти, Илом.), горка *Pikkutöyry* (Иломантси), мыс ? *Pikanniemi* (Вегарус, Суояр.), озеро ? *Pikanlambi* (Аглия-ярви Корп.).

Видимо, в этот же ряд входят *Пукаяболото* (Ватнаволоок, Лижем.), угодье *Пукоусуо* (Лижемский с/с), урочище *Пукай* (Саньковская, Яндомоз.), урочище *Пукай* (*Пукая*) (Кондобережская, Великогуб.), ? *Пиккозеро* (*Пикозеро*), *Пиккорекка* (Воренжа, Петров.), ? *Пиккоручей*, *Пиккомох* (карта *Пухкамох*) (Тайгиницы, Петров.), ? *Пиккозеро* (Нюхча).

Возникает, таким образом, вопрос, могло ли появление модели на юге Карелии быть связано с отселением населения с территории Финляндии, например, из Приграничной (Приладожской) Карелии, или же она появилась здесь самостоятельно. Можно отметить все же, что в людииковском и ливвиковском наречиях лексема фиксируется на апеллятивном уровне нерегулярно.

Pikkaraini-

Кроме лексем *pieni* и *pikku*, в диалектах карельского языка активно бытует в значении ‘маленький’ лексема *pikkaraini/pikkaraine*. В топонимии топооснова *Pikkaraini*-малоактивна и фиксируется преимущественно в собственно карельском ареале расселения, ср.: остров *Pikkarainišuuri* (Боярская, Вычет.), озеро *Pikkaraine Lavoizlambi* (Большое Озеро, Руг.), мыс *Pikkarainenieniemi* (Кудамгуба, Порос.), болото *Pikkarainešuohut* (Новинка, Тихв.), бор *Pikkarainekangaš*, угодье *Pikkarainesolmovane*, болото *Pikkarainešuohut* (Курята, Тихв.), угодье *Pikkarainepeldone* (Мяммино, Твер.), мыс *Pikkarainenieniemi* (Рочезеро, Вохт.), болото *Pikkarainesuo* (Уссуна).

На территории проживания карелов-ливвиков и карелов-людииков единичные фиксации модели могут свидетельствовать, например, о подселении сюда населения с собственно карельских территорий. На собственно карельские истоки данного топонимического типа, возможно, указывает фиксация модели в топонимии собственно карельского ареала расселения в Ленинградской и Тверской областях. При этом все же не совсем понятно, насколько широко рассматриваемая топооснова могла быть распространена на родовой территории карелов в Приладожье, откуда, как известно, в XVII веке они переселились на Тверские и Новгородские земли. Возможно, массовый исход карелов из Приладожья нарушил естественный процесс функционирования данной модели, и со временем она была вытеснена на новопоселенных территориях синонимичной топонимической *Pieni-*. Принимая это во внимание, можно предполагать, что современные спорадические фиксации на обширной территории являются свидетельствами возможного бытования данной модели в карельском Приладожье в XVII веке.

С другой стороны, принимая во внимание тот факт, что лексема *pikkaraini / pikkaraine* имеет общекарельское распространение, нельзя также исключать возможности того, что рассматриваемый топонимический тип мог все же появиться независимо в разных ареалах карельского освоения / диалектных зонах.

Vähä-

Кроме рассмотренных выше атрибутов, в Карелии и на сопредельных с ней территориях фиксируется также топооснова *Vähä-*. Прилагательное *vähä* известно в говорах карельского языка в значении ‘небольшой, маленький, незначительный’. В карелоязычной топонимии Карелии лексема не продуктивна. Она представлена здесь всего двумя фиксациями, ср.: озеро *Vähärvi* (Сяргозеро, Падан.), озеро *Vähärvi* (Сааримяги, Колат.). В то же время стоит упомянуть, что модель на *Vähä-* присутствует, например, в топонимии вепских территорий, где она выступает в том числе в паре с прилагательным *enä / änä* ‘большой’, ср. озера *Än'järvi* и *Vähärvi* на верхней Ояти [Муллеронен 2013: 139]. Немногочисленность фиксаций не позволяет говорить что-либо определенное о генезисе модели. Нельзя, например, исключать того, что в топонимии карельского ареала мотивом номинации географических объектов могла быть и маловодность озер в разные времена года, поскольку в диалектах карельского языка слово *vähä* фиксируется и в значении ‘что-либо небольшое по объему, количеству’. Кроме этого, единичные фиксации в карелоязычной топонимии юга Карелии могут быть свидетельством «разрушившегося» ареала, который объединял ранее коренные вепские территории, где сейчас модель присутствует в топонимии, и те территории, которые были освоены вепсами в более позднее время. Этому, по крайней мере, не противоречит факт расположения карельских деревень, в топонимии которых данная модель фиксируется, в пределах зоны бывшего вепского присутствия, что также подтверждается и некоторыми другими вепскими топонимическими маркерами.

Подводя итог, можно констатировать, что идентификация по размеру представлена в карельской топонимии целым рядом лексем, однако далеко не все из них имеют в топонимии широкое бытование. Наиболее многочисленными по представительству являются общераспространенные прилагательные *suuri / šuuri* и *pieni*, в то время как все остальные из упомянутых выше фиксируются достаточно ограниченно. При этом названий с атрибутивной частью *Pieni-* ‘маленький’ в топонимии в два раза меньше, в сравнении с топоосновой *Suuri- / Šuuri-* ‘большой’, что объясняется, в частности, тем, что для топоосновы *Suuri-* совсем не обязательна бинарная оппозиция с атрибутивной частью *Pieni-*. Кроме этого, в южной части Карелии фиксируется локальная топонимическая модель с атрибутом *Tobd'- / Tobje-* ‘большой’, которая ограниченно представлена, прежде всего, на территории проживания северных людиков, и которая является, видимо, относительно новой инновацией в топонимии юга Карелии.

В сравнении с общераспространенными атрибутивными частями со значением ‘маленький, небольшой’, на территории Карелии представлена также субстратная топооснова **Än- / Ян-* ‘большой’, которая бытовала в топонимии современной Карелии до ее освоения прибалтийским финнами. К раннему периоду освоения исследуемого региона относится, видимо, и топооснова *Jalo-*, семантика которой на современных карелоязычных территориях уже практически забыта.

Можно здесь также упомянуть, что в топонимии обнаруживаются и некоторые другие слова со значением ‘маленький, небольшой’, однако из-за единичных фиксаций на данном момент сложно что-либо говорить об истоках их появления в среде карельского населения. Среди них, например, лексема *palukka(ni)* ‘небольшой кусочек чего-либо’, которая отмечается в окрестностях деревни Тухкала на севере современной Карелии в названии небольшого острова *Palukkaisenšuari* (рус. *Маленький остров*). В то же время не совсем понятно, что за этим названием может стоять – действительно ли маленький размер данного острова или же, например, антропоним (прозвище человека), на что может указывать генитивная форма названия.

Литература и источники

Топонимическая картотека Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

- Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск: Карелия, 1982.
- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.
- Муллонен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования. Сборник статей. / Науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 130–144.
- Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. Москва, 1969.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä. Suomi 149. SKS. Helsinki, 1990.
- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Unigrafia OY. Helsinki, 2014.
- Saar E. Võrumaa kohanimede analüüs enamlevinud nimeosade põhjal ja traditsioonilise kogukonna nimesüsteem. Dissertationes philologiae estonicae Universitatis Tartuensis 22. Tartu Ülikooli kirjastus. 2008.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 556. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992–2000.

Татьяна Александровна Малкова

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

НАУЧНАЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. В. БУБРИХА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В Г. СЫКТЫВКАРЕ КОМИ АССР

Видный представитель сравнительно-исторического языкознания, основатель советского финно-угроведения, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Дмитрий Владимирович Бубрих в годы Великой Отечественной войны жил и работал в г. Сыктывкаре Коми АССР. Военный период жизни ученого практически не изучался исследователями. В начале XXI в. был опубликован ряд статей, раскрывающих его творческую деятельность в эвакуации [Керт 1975, 1990; Рощевский, Рощевская, Береснева 1999; Малкова 2001, 2005, 2009, 2013].

Финно-угорская группа Института языка и мышления, возглавляемая с 1934 г. Д. В. Бубрихом, становится центром исследования по финно-угорским языкам Советского Союза. Начало Великой Отечественной войны определило новый этап исследовательской деятельности ученого, которая была тесно связана с научной жизнью Сыктывкара военных лет. Здесь был выполнен значительный научный задел, позволивший опубликовать научные труды в последующие годы. С 1 октября 1941 г. по направлению Наркомпроса РСФСР Д. В. Бубрих назначается заведующим кафедрой языка и литературы Коми государственного педагогического института (КГПИ). По воспоминаниям студентов военных лет, Дмитрий Владимирович представлялся очень эрудированным преподавателем, оставившим глубокий след в их жизни. Д. В. Бубрих по совместительству также преподавал в Карело-Финском университете, эвакуированном в Сыктывкар, где в 1943/44 гг. возглавил кафедру финно-угорских языков. Научная деятельность ученого была продолжена в стенах Коми научно-исследовательского института (Коми НИИ, 1934 г.) в качестве ученого секретаря с марта 1942 г. по сентябрь 1944 г. Имея большой опыт организаторской и научной работы, Д. В. Бубрих становится руководителем исследовательскими работами института [Малкова 2005: 2–3; Малкова 2009: 43–44].

К исследованию пермской группы финно-угорской семьи языков Д. В. Бубрих обратился в конце 1920-х гг. Наиболее интенсивно он занимался пермскими языками во время работы в Коми НИИ, где возглавил исследования по теме «Научная грамматика современно-